

Борис Комберг – выпускник кафедры астрономии 1964 г.

Моя целина

Наш курс, пришедший на физфак в 1959 г., оказался довольно активным. Возможно, это связано с тем, что мы застали хрущевскую оттепель и сумели этим воспользоваться. Наш курс добился возможности выбирать лекторов, а не быть привязанным к своему потоку. (Правда это послабление продержалось всего 2 года). Под нашим давлением нам поменяли лектора по философии – читать стал зав. кафедрой. Добились мы и "самораспределения", отстранив от этой "обузы" деканат. (Через год эту вольницу прекрыли). Да и вообще, где это было видно, что декан В.С.Фурсов на комсомольской конференции физфака пел вместе с нами гимн физиков со словами про декана "что и сам он большая дубина". (Кстати не многие знают, что слова этого гимна сочинил Б.М.Болотовский, ныне работающий в ФИАНе). Да и агит-бригада физ-фака родилась летом 1961 г., когда часть нашего курса выехала на летние работы в Липецк. И один из авторов знаменитой оперы "Архимед" Валерий Конер – наш однокурсник.

Когда мы пришли на физфак, то секретарем комсомольской организации был Сергей Литвиненко, которому было тесно в стенах МГУ и он рвался к большей самостоятельности комсомола. Отсюда и идея о летней работе на целине, но не только на уборке урожая, как было до тех пор, а и на строительстве. Эту идею поддержали в ЦК ВЛКСМ и началась серьезная подготовка. В частности, были организованы курсы подготовки строителей и комбайнеров, на которых в конце июня нам выдали свидетельства. Поездка на Целину была для комсомольцев добровольно-обязательной. Не поехать можно было только по уважительной причине, что решалось на бюро потоков. Всего в первом строй-отряде физфака, основу которого составлял наш курс, было 339 "бойцов". Среди них было 3 филологини, врач и несколько сотрудников физфака. В начале июля отряд погрузился в плацкартные вагоны и двинулся в Северный Казахстан, где уже побывали представители физфака и был подготовлен фронт работы. Туда же из Москвы пошли и дефицитные строй-материалы, которые всеми правдами и неправдами выбивали активисты с физфака.

Уже заранее были назначены командиры отрядов и бригадиры, так что дисциплина поддерживалась на должном уровне, включая "сухой закон". Необходимо, конечно, и без "перегибов" в поддержании дисциплины. В Муроме от нашего отряда отстали Витя Лютый и Вера Гранова – вышли купить продуктов. Литвиненко собрал собрание и потребовал отчислить их из отряда, что влекло, как правило, исключение из комсомола. Но мы ребят отстояли и через неделю голодные и обтрепанные они появились уже в совхозе "Булаевский", где мы работали под командованием аспиранта Толи Баранова. Запомнился мне еще один эпизод из вагонной жизни: яростный спор о сути теории относительности между Володей Фоломешкиным,

который эту теорию опровергал, и ее защитником – Леней Грищуком. Когда доводы обеих сторон были исчерпаны, было заключено пари ни больше, ни меньше, как на "Волгу". Расписка эта долго хранилась у меня, но после гибели Володи в 1978 г., я ее отдал Грищуку. Интересно, что оба спорщика стали специалистами по ОТО. Володя втянул в эту деятельность акад. Логунова, а Ленья – академика Зельдовича. И я помню диспут между академиками, который проходил в БФА, после того, как ректор МГУ Логунов написал книгу "Релятивистская теория тяготения". (Ну, да эта тема требует отдельного разговора).

Выгрузившись в Петропавловске, мы погрузились на машины и разъехались по разным совхозам. Наш отряд прибыл в совхоз "Булаевский" и поселился в огромном зерноскладе, где были устроены двухъярусные пары. Начали мы с набивки тюфяков сеном. Потом стали оборудовать кухню и туалеты. Бригадир пересчитали свои бригады и пошли в контору за разнорядкой на работы. Дел было много и разных: кто делал саманные кирпичи, кто резал камыш, кто копал ямы под фундаменты, кто пилил доски. Стояла жара. Приходилось брать на объекты ведра с холодным чаем и закапывать их в землю. Досаждали степные мухи, которые тучами облепляли кухню. Баранов с Володей Климовым время от времени жгли их факелами. Быт постепенно налаживался, хотя и были проблемы. Например, решался вопрос кто будет спать на границе между ребятами и девушками? К счастью нашлись добровольцы: Ленья Грищук и Галя Козлова (сотрудница физфака). Другой проблемой был вопрос о выключении вечером света в зерноскладе, который освещался парой 200 ваттных ламп под крышей. Кто-то в 10 вечера хотел спать, а другие хотели на ночь читать и были против выключения света. Демократичный Толя Баранов решал эту дилемму оригинальным методом: он вызывал "противников" на борьбу и вопрос о выключении света решал победителем.

Когда подошло время уборки хлебов меня с бригадой выдвинули на полевой стан в 10 км от совхоза. Жили мы в палатках, вернее урывками спали, так как уборка велась круглосуточно. Работали то на току, перекидывая горы зерна с места на место, чтобы просохло, то посылали нас на зерносушилку, где мы и сами засушивались. Потом стали работать копнителями на комбайнах. Работа трясухая и страшно пыльная. Никаких респираторов не выдавали. Иногда, когда машины не успевали подъезжать к комбайну, его останавливали, т.к. бункер был полон зерна. И тогда "копнитель" имел возможность вздремнуть на сене. Ночью потом было трудно проснуться и иногда, когда комбайн снова начинал обмолот зерна, заснувшего студента выкидывало вместе с копной в поле. Хорошо, что обошлось без особых травм от металлических зубьев на откидывающемся дне бункера для сена. Продолжался этот аврал дней 15, пока весь участок поля не был сжат. Потом пошли дожди и приходилось комбайнерам вести отдельную уборку: сначала жать и класть рожь на стерню, а после, когда улучшится погода, подбирать и обмолачивать.

После окончания "битвы за урожай" мы снова перебрались в совхоз. Летние каникулы подходили к концу. Песни у костра перепеты. Редкие выходные с поездкой в соседний совхоз "Ждановский" для игры в футбол с ребятами из тамошнего отряда закончились. Литвиненко собрал в Ждановском штаб, чтобы обсудить итоги и награды отличившимся, которых представляли бригадиры. Потом "раздавали" награды и самим бригадирам. Наград мы присудили многим, но в Москве в ЦК ВЛКСМ их сильно урезали. И правильно сделали.

Совхозное начальство просило оставить добровольцев для завершения строительства некоторых объектов. В Булаевском надо было достроить кашару из самана для зимовки овец. Поселили нас в домике с печкой рядом с объектом. Выделили в бригадиры местного рабочего и закипела работа из последних сил.. Для подвоза стройматериалов и обедов организовали лошадь с подводой, которой управлял Володя Климов. Крышу кашары делали из соломы, которую заливали раствором глины, чтобы не тащить тяжелые ведра с глиной на крышу мы решили соорудить журавель по типу колодезного из слег. Бригадир иронически посматривал на это сооружение, а на его ехидный вопрос: "и что вы с этой пушкой собираетесь делать?" мы ответили: "в Луну стрелять", т.к. Луна уже была ясно видна на темнеющем морозном небе. Наступившая ночь выдалась у нас беспокойной, т.к. часов в пять утра Володя Титов (сотрудник физфака) всех нас разбудил истошным криком: "быстрее все на улицу – божественное явление!". Ясное дело, что никто из нас даже не пошевелился. Тогда Володя стал колотить в окно. (А это он умел, так как накануне, ударив кулаком по перегородке внутри домика проломил ее в соседнюю комнату и в образовавшуюся дыру от вываливающегося кирпича попросил у соседей спичек). Мы неохотно, накинув телогрейку и сунув босые ноги в мокрые сапоги, выбрались на Божий свет. И не пожалели. На светлом уже востоке была видна идущая вертикально яркая полоска, которая начинала делать плавный разворот, а потом разделилась на 3 части. Что это? ахнули мы. И самый умный из нас Леня Грищук не то в шутку, не то всерьез заявил: "Хрущев полетел в США и его сопровождают два истребителя". Посмеялись и пошли досыпать пару часов. А утром услышали по репродуктору, что в СССР запущена автоматическая межпланетная станция к Венере. Так мы узнали большой советский секрет: где-то рядом расположен наш космодром. Утром наш угрюмый бригадир с упрёком сказал: "Что же Вы, знали о запуске уже вчера, а мне не сказали...".

Через неделю после этого события мы закончили красить крышу кашары и кто-то нас сфотографировал на память. (Может Толя Баранов, который после отъезда отряда оставался для закрытия нарядов и процентов и получения отрядных денег в кассе Совхоза. В памяти совершенно не осталось, сколько мы заработали на Целине. В первые поездки в ССО не очень мы об этом думали, хотя для студентов и тот приработок был важен). На знаменитой той фотографии, где на фронте кашары мы намалевали символ физфака: корень из факториала (он потом

попал и на значок физфака), можно увидеть уставшие лица комсомольцев – добровольцев с моего курса и я с удовольствием называю их имена:

нижний ряд: Света Сотникова, Лиля Михалева, Толя Филозов, Володя Титов, Эдик Шекшеев, Миша Ларионов;

средний ряд: Борис Комберг, Валера Калинин, Володя Климов;

верхний ряд: Саня Фомичев, Коля Омельченко, бригадир Иван, Леня Грищук, Игорь Ситник, Юра Лабушкин, Игорь Чернышев и Володя Перфильев.

Потом был отъезд, когда наши пожитки и ящики с остатками консервов, которые сэкономил наш завхоз Олег Найда (этого мы ему так и не простили), покидали в окна вагона и в тамбур (проходящий поезд стоял всего несколько минут). И сразу завалились спать. И, как мне кажется, проснулись только на Казанском вокзале куда нас пришли встречать уехавшие раньше отрядники и соскучившиеся по нам родители.

Так закончилась моя первая строительная Целина. Потом были еще поездки со строй-отрядами в разные концы СССР: Липецк, Волго-Балт, Пущино, Ангара, Сахалин, Камчатка. Но еще одна встреча с Целиной состоялась в 1988 году, когда Сергей Литвиненко организовал поездку отряда "Ветеран-30" в совхоз "Ждановский", где достраивали дома на улице, названной Студенческой. Многие ветераны ехали уже со своими детьми. И я приехал со своей 18-летней дочкой. Она проработала там полный срок, а я сумел вырваться с работы всего на пару недель. В книге нашей однокурсницы Светланы Ковалевой, которые многие знают по ее активному участию в постановках оперы "Архимед", есть фотография, где наши дети сидят на стропилах строящегося домика.

Что дали мы Целине? На этот вопрос есть сухие статистические данные и воспоминания самих целинников, которые много лет спустя вспоминали веселых, не пьющих студентов с их песнями у костров и художественной самодеятельностью. Но можно поставить вопрос и по другому: что нам дала Целина? Ведь не секрет, что некоторые из наших однокурсников считали эти поездки комсомольской дурью и отвлечением от учебы. И ехали только из-за угрозы санкций со стороны бюро ВЛКСМ и администрации, которая, кстати тоже не была в восторге от массовых летних поездок, ссылаясь на падение успеваемости (что, наверное, было правдой). Оглядываясь теперь на то время, можно сказать, что работа в ССО пошла многим на пользу. Мы лучше узнали друг друга и все мои многолетние друзья так или иначе были связаны с летними работами, а не с учебой на курсе. ССО выявили лидеров, которые сумели после возглавить большие коллективы, не превращаясь в бюрократов и кондовых чиновников. И в науке многие преуспели, и на крутых поворотах российской истории не затерялись, оставаясь верными своим принципам. Обо всем этом стоило бы поговорить подробнее, обращаясь к конкретным личностям, которые сыграли важную роль в движении ССО.